
Обзоры и рецензии

В.Ф.Петренко. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.

Не так давно вышло второе издание широко известной отечественным психологам книги В.Ф. Петренко «Основы психосемантики». Несмотря на то, что основная часть этой книги написана два десятилетия назад, идеи, которые обосновывает автор, чрезвычайно актуальны в свете тех изменений, которые претерпевает метатеория и методология психологии в последние десятилетия. До сих пор при анализе этой монографии чаще всего оставалось незамеченным то, что в ней был, по сути, обоснован и развит оригинальный отечественный вариант конструктивизма, который сам по себе имеет множество приверженцев в психологии и других гуманитарных науках за рубежом (Улановский, 2006а, 2006б). Именно поэтому представляется крайне интересным проанализировать развиваемый в этой и в других работах В.Ф. Петренко психосемантический подход в контексте анализа современной конструктивистской ориентации в психологии.

Конструктивизм и отечественная психология

Хотя отечественная психология на протяжении довольно долгого времени связывала себя с теорией отражения, за рубежом некоторые идеи отечественных психологов устойчиво относят к конструктивистским. Рассмотрим их, проведя некоторые аналогии с представлениями других конструктивистских подходов.

Прежде всего, следует сказать о взглядах Л.С. Выготского, которого не без основания считают одним из родоначальников конструктивизма в психологии, вместе с Ж. Пиаже, Дж. Келли и др. (Gergen, 1997). Целый ряд идей Л.С. Выготского был серьезно воспринят и активно используется в самых различных направлениях конструктивистской ориентации (конструктивизме, социальном конструкционизме, нарративной, дискурсивной, культуральной психологии, теории диалогического «я»).

Это и представление о том, что интрапсихическое производно от интерпсихического, что все высшие психические функции человека суть социальные отношения, отношения между людьми, перенесенные внутрь (ср. с представлением К. Гегена и Р. Харре о психологических процессах как формах координации, взаимодействия между двумя и более людьми — Gergen, 1997, Harre, 1989). Это и идея символической, знаковой опосредованности (восприятия, запоминания, мышления и т. д.), идея употребления знака как решающего фактора в развитии сознания человека, идея зависимости осознания субъектом мира от сложности организации языковых значений, которыми он оперирует (ср. с признанием роли знака и значения в конституировании сознания и социальной реальности в символическом интеракционизме Дж. Мида, феноменологии повседневного опыта А. Шюца, теории личностных конструктов Дж. Келли (Mead, 1934; Шюц, 2004; Келли, 2000)). Кроме того, можно упомянуть используемую Л.С. Выготским метафору психики как органа отбора, решета, «процеживающего» мир и изменяющего его так, чтобы можно было действовать, субъективно искажающего действительность в пользу организма (Выготский, 1982б; ср. например, с идеями Э. фон Глазер-Фильда, настаивающего на том, что когнитивная адаптация означает не приведение организма к адекватному восприятию внешнего мира, а скорее совершенствование равновесия организма — von Glaserfeld, 1995).

Можно указать и на некоторые идеи А.Н. Леонтьева, которые в определенном смысле также могут

быть проинтерпретированы как конструктивистские (хотя относить его к конструктивистам было бы все же сильным преувеличением). Это и постоянно подчеркиваемая А.Н. Леонтьевым идея активности, пристрастности субъекта и способа его «отражения» мира, а также центральное представление теории деятельности о том, что деятельностное существование оказывает решающее влияние на способ «отражения» мира субъектом. В работах А.Н. Леонтьева, его коллег и учеников П.И. Зинченко, А.А. Смирнова, А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.К. Тихомирова была экспериментально показана зависимость восприятия, памяти, мышления, эмоций от действия и деятельности субъекта, зависимость психического отражения от места отражаемого объекта в структуре деятельности (ср., к примеру, с идеей У. Матураны и Ф. Варелы о том, что мы не можем отделить историю наших действий (социальную и биологическую) от того, каким мир нам представляется, и что то, что мы принимаем как некое простое восприятие предметов вовне, несет на себе неизгладимую печать нашей собственной структуры — Матурана, Варела, 2001). Кроме того, А.Н. Леонтьев развил идею Выготского о значениях как исторически сложившихся формах фиксации общественного опыта, через призму которых человек воспринимает мир и которые преломляют мир в сознании человека (Леонтьев, 1981). А.Н. Леонтьев отмечал, что через овладение значениями человек усваивает некоторую систему идей, некоторое идеологическое содержание, которое эти значения выражают (там же) (ср. с идеями

теории дискурс-анализа о дискурсе как системе фиксированных значений, опосредующих описание явлений и являющихся носителями некоторой идеологии — Филлипс, Йоргенсен, 2004). Наконец, нельзя не вспомнить представления позднего А.Н. Леонтьева об образе мира, о построении в сознании индивида образа многомерного мира, в котором мы живем и действуем (Леонтьев, 1979).

Можно упомянуть также идеи других отечественных психологов — А.Р. Лурии, В.П. Зинченко, Г.М. Андреевой, С.Д. Смирнова, А.Г. Асмолова, В.В. Знакова и др., которые также в определенном смысле можно трактовать как конструктивистские¹. Однако в данной статье мы останавливаемся лишь на взглядах В.Ф. Петренко, который предложил собственный оригинальный конструктивистский подход, соединивший в себе традиции отечественной науки с традициями западной методологии.

Психосемантика и идеи конструктивизма

В основу конструктивистских идей В.Ф. Петренко легли положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. К их работам восходит общая трактовка В.Ф. Петренко значения как структуры, опосредующей разнообразные формы сознательной деятельности.

Другим источником идей В.Ф. Петренко стали взгляды Дж. Келли, автора теории личностных конструктов, или личностного конструктивизма (как его подход еще иногда называют). В.Ф. Петренко взял за основание центральную идею Дж. Келли — представление о том, что мы организуем свой опыт, интерпретируем и предвосхищаем события в мире посредством шкал значений, иерархически взаимосвязанных между собой.

Собственно говоря, проблема значения является центральной в психосемантическом подходе. В свое время само понятие «психосемантика» было введено В.Ф. Петренко и А.Г. Шмелевым именно для того, чтобы очертить специфическую область исследований индивидуально-специфичных значений (категорий, конструктов), которые используются различными людьми и сообществами для осмысления воспринимаемого мира, других людей и самих себя. Вслед за А.Н. Леонтьевым В.Ф. Петренко пишет о том, что человеческое восприятие, память, мышление, воображение вооружены и одновременно ограничены системой значений, которая присуща определенной общности или культуре (Петренко, 2005; Леонтьев, 1975).

Вместе с тем В.Ф. Петренко идет явно дальше А.Н. Леонтьева, который все же не считал различие языка и значений у представителей различных социальных классов и сообществ

¹Можно также указать на взгляды некоторых современных отечественных философов, которые в ряде положений близки к конструктивизму, например, представления о неклассическом и постнеклассическом типах рациональности В.С. Степина (Степин, 2000), идеи неклассической эпистемологии В.А. Лекторского (Лекторский, 2001), социальной эпистемологии И.Т. Касавина (Касавин, 2001).

решающим их различием. Несмотря на признание принципиальной роли значений, определяющим в данном случае для А.Н. Леонтьева оставались различия в деятельности людей и формах их общественных отношений. Языку же и значениям в теории деятельности отводилась все же вторичная роль: они, согласно А.Н. Леонтьеву, лишь отражают существующие межпредметные и общественные отношения (Леонтьев, 1981, с. 335).

В.Ф. Петренко же на разнообразном культурологическом, лингвистическом и психологическом материале показывает, что различные системы значений, используемые в различные исторические периоды различными культурами, сообществами, социальными группами, формируют, по сути, различные картины мира у их носителей. С этой точки зрения, языки различных культур и сообществ — это, по сути, различные точки отсчета, с которых люди смотрят на мир, судят о нем и действуют. Отметим, что подобный взгляд — единое место целого ряда направлений конструктивистской ориентации (социального конструкционизма, дискурсивной психологии, нарративной психологии, феминистских теорий познания и т. д.). В.Ф. Петренко обосновывает этот взгляд, опираясь на идеи Дж. Брунера о формах категоризации и имплицитных моделях личности, идеи Г. Гачева о национальных образах мира, работы А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры, представления Ю.Н. Караулова о языковой личности, идеи Ю.С. Степанова о трехмерном пространстве языка, работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний, исследования Б.М. Величковского о

ментальных пространствах, а кроме того, на множество идей и теорий, развитых в рамках лингвистической семантики, логики, семиотики Ч. Филмора, А. Вежбицкой, Я. Хинтика, Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака и др.

Примечательно, что В.Ф. Петренко наряду с этим опирается на идеи теории лингвистической относительности Сэпира-Уорфа, в течение долгого времени резко критикуемой и отвергаемой в отечественной философии, лингвистике и психолингвистике. Как известно, Э. Сэпир и Б. Уорф обосновывали представление, согласно которому «мы видим, слышим и воспринимаем действительность так, а не иначе в значительной мере потому, что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному выбору интерпретации» (цит. по: Слобин, Грин, 1976, с. 198). В этом заключалась идея лингвистической относительности — зависимости мировидения от специфики языка. В.Ф. Петренко пишет о том, что, наряду с этой относительностью, можно также говорить о *психологической относительности категоризации и мировосприятия* (Петренко, 2002; Петренко, 2005). В.Ф. Петренко отмечает, что наличие культурологической относительности образов мира и вариативность форм категоризации обусловлены системой значений, вбирающих в себя специфику жизнедеятельности и культуры. В этой связи вполне правомочными оказываются вопросы о том, могли ли некоторые образы и сравнения, в которых описывают мир представители одних культур, прийти в голову представителям других культур, почему некоторая реальность выступает в форме метафоры,

на которой строится описание другой реальности (Петренко, 2005).

В общем смысле можно сказать, что психосемантический подход преодолел ту недооценку *конструктивной, перформативной, конституирующей функции языка и культурных средств*, которая была еще характерна, на наш взгляд, для исходной теории деятельности А.Н. Леонтьева². В то же время, уделяя основное внимание анализу роли значений и категорий, В.Ф. Петренко отошел и от не менее важного анализа роли деятельности и ее компонент в построении людьми образов мира — проблематики, которая как раз была хорошо разработана в теории деятельности. В этом сосредоточении на значениях (категориальных структурах, понятиях, конструктах) конструктивизм В.Ф. Петренко схож с конструктивизмом Дж. Келли (Келли, 2000). Этим оба подхода отличаются, например, от конструктивизма Ж. Пиаже, указывающего на роль сенсомоторных структур, а также от конструктивизма Ф. Варелы и У. Матураны, которые указывают даже на нейрофизиологические механизмы, участвующие в построении образа мира (Пиаже, 2004; Матурана, Варела, 2001).

В эпистемологическом смысле крайний интерес представляет критика В.Ф. Петренко *понятия отражения*, являющегося центральным в советской теории познания и методологии психологии. Как справедливо подмечено, несмотря на декларативное отвержение сегодня теории отражения многими отечественными психологами, их работы по-прежнему

изобилуют теоретическими построениями, доказывающими свое соответствие «объективной действительности», «психологической реальности» и т. п. (Петренко, 2006). Такие психологические понятия, как образ, ощущение, восприятие, мышление, психика, сознание, по-прежнему определяются в словарях и учебниках психологии через базовую категорию отражения. В.Ф. Петренко убедительно показывает, что метафора отражения, содержащая момент вторичности и реактивности психической активности, сыграв позитивную роль, постепенно исчерпала свой эвристический потенциал в психологии и стала во многом тормозом ее развития (Петренко, 2002; Петренко, 2006). Интересно, что уже в ранних исследованиях семантики чувственного образа, выполненных В.Ф. Петренко под руководством А.Н. Леонтьева в 1970-е годы, он предпринял довольно смелую попытку отойти от навязываемой трактовки образа как формы отражения, предложив его трактовку как своеобразного перцептивного высказывания о мире (Петренко, 1976). На наш взгляд, уже эта трактовка содержит идею активности субъекта в построении образа вещей, идею не-отражаемости, конструктивности психики и познания. В более поздних работах В.Ф. Петренко делает акцент на том, что познание представляет собой скорее *моделирование*, включающее в образ мира аксиологические, ценностные компоненты (Петренко, 1997; Петренко, 2006). Добавим, что критика теории отражения роднит

²О конструктивной, перформативной функции языка см. подробнее: Улановский, 2004.

подход В.Ф. Петренко с другими направлениями конструктивизма, которые неизменно отвергают такие эпистемологические позиции, как репрезентационизм (разновидностью которого является теория отражения), эмпиризм, объективизм и реализм.

Как и представители других конструктивистских походов, В.Ф. Петренко отрицает также возможность апелляции к «чистым», объективным фактам, к тому, что есть (или было) «на самом деле», «в действительности». Не существует эмпирического факта вне некоей теории (Петренко, 2002). Как известно, схожая мысль была высказана еще Л.С. Выготским: «Кто рассматривает факты, неизбежно рассматривает их в свете той или иной теории» (Выготский, 1982б). Проводя аналогии, отметим также, что в социальном конструкционизме эта мысль высказывается в еще более категоричном виде: то, что мы называем «фактами», как пишет В. Барр, есть лишь *версии событий*, которые в определенное время и по разным причинам получили широкое распространение (Барр, 2004). Данная трактовка во многом является развитием известной ницшеанской формулы, принятой в постмодернизме (Деррида, Лиотар, Лакан, Фуко, Бодрийар и др.) в качестве центрального тезиса: «Нет фактов, есть лишь интерпретации».

Единую позицию с другими конструктивистскими подходами занимает подход В.Ф. Петренко и в отношении к *проблеме истины*. Сторонники конструктивистской парадигмы отвергают позицию фундаментализма, в соответствии с которой мы можем обладать конечными, фундамен-

тальными основаниями для наших познавательных утверждений о социальном и психологическом мире (набором неких универсальных, объективных «истин»). Психосемантический подход основывается на идее *плюрализма истины*, множественности различных культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект, и, как следствие, на идее множественности путей развития индивида, общества, страны, человечества (Петренко, 2005). В этой же связи В.Ф. Петренко заявляет о правомочности и необходимости существования множества психологических теорий (Петренко, 2002). Добавим, что эти идеи наиболее близки к основополагающему философскому представлению Дж. Келли о *конструктивном альтернативизме*, в соответствии с которым существуют бесчисленные возможности концептуализации событий в мире и поведения людей (Келли, 2000).

Конструктивистские взгляды В.Ф. Петренко распространяются не только на обычную познавательную активность человека, но также и на деятельность ученых и сферу науки. Как указывает автор, каждая область знаний строит свой предмет науки, определяемый в первую очередь спецификой *языка и метода* этой науки (Петренко, 2006).

Язык науки, согласно В.Ф. Петренко, не только служит для описания сущего, но и, создавая понятийный аппарат, вносит свои связи и расчленения, которые через «круговую каузальность» сознания и поведения человека определяют само бытие (Петренко, 2002). Тем самым В.Ф. Петренко подчеркивает не

только познавательно-описательную направленность науки, но и ее созидательно-конструктивистскую функцию. То же самое можно сказать и о языках философии и литературы. В.Ф. Петренко указывает на чувствительность исторического процесса к используемым его представителями конструктам и формам категоризации, вносящим специфические способы осмысления событий, а вместе с этим специфические ценности и способы действия. На примере идей К. Маркса и З. Фрейда В.Ф. Петренко показывает, что вводимые ими идеи и конструкты могли не только описывать, но и во многом определять ход дальнейших событий, образ действий их современников и т. д. В этом смысле все мы в разной степени культуральной социализации — порождения литературы (там же). Эта идея имеет сходство с идеями, развиваемыми в психологии и других гуманитарных науках в рамках нарративного подхода. Отметим также, что в подходе В.Ф. Петренко намечен переход от идеи опосредования системой значений (конструктов) к представлению о том, что система значений сама может быть организована в некие повествовательные структуры, некие тексты (Петренко, 2005). Эта идея является одной из ключевых в нарративной психологии, изучающей разного рода повествовательные структуры, или нарративы, используемые людьми для самоидентификации и интерпретации событий внешнего мира, других людей и себя («я-нарративы») (Брунер, 2005; Bruner, 1986; Сарбин, 2004; Polkinghorne, 1988).

Наконец, В.Ф. Петренко указывает также на то, что наши *научные ме-*

тоды и операциональные процедуры в явной мере выстраивают и задают исследуемые с их же помощью предметные области и объекты познания (Петренко, 2006). В этом смысле можно сказать, что психосемантика как содержательная область исследований, область исследования индивидуальных значений задается соответствующими психосемантическими методами, методами построения семантических пространств. Для этого, в свою очередь, применяются математические процедуры факторного и кластерного анализа, многомерной статистики, детерминационного анализа, структурного моделирования. В рамках описанной парадигмы В.Ф. Петренко с коллегами был проведен ряд масштабных исследований семантических пространств различных политических партий, картин мира различных этнических, социальных, профессиональных сообществ, религиозных конфессий, особенностей восприятия произведений искусства (живописи, художественных фильмов), специфики измененных состояний сознания (см.: Петренко, 2005; Петренко, 1997). Все эти исследования содержательно раскрывают различия менталитета представителей различных культур, этносов, религий, политических партий и профессиональных сообществ, подкрепляя тем самым конструктивистский тезис о множественности образов мира и некорректности притязаний на единственно-верный способ его восприятия и осмысления.

Как видно из нашего анализа, психосемантический подход имеет множество пересечений с направлениями, традиционно относимыми на Западе к конструктивистским: это и

представление о плюрализме и культурно-исторической контекстуальности истины, и представление о неотражательной, социально-конструктивной природе знания, и представление о зависимости познания от языковых структур, и ряд других положений. В то же время подход В.Ф. Петренко обладает заметным своеобразием, в силу чего мы считаем приемлемым рассматривать его как отдельный, самобытный кон-

структивистски-ориентированный подход. В заключение добавим, что осмысление идей конструктивизма, призывающего гуманитарные науки к пересмотру собственных эпистемологических позиций, методологии и этики исследований человека, представляется нам крайне важным сегодня. В этой связи переиздание книги «Основы психосемантики» В.Ф. Петренко представляется важным шагом в этом направлении.

Литература

- Барр В.* Социальный конструкционизм и психология // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 29–44.
- Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. № 1 (2). С. 9–30.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982а.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1982б. Т. 2.
- Касавин И.Т.* Социальная теория познания: Учеб. пособие. М.: УРАО, 2001.
- Келли Дж.* Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000.
- Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1981.
- Петренко В.Ф.* К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Петренко В.Ф.* Лекции по психосемантике. Самара: Открытое общество, 1997.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф.* Методологические аспекты исторической психологии (поиск парадигмы) // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1. С. 38–56.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М.: Изд-во МГУ, 1997.

- Пиаже Ж.* Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004.
- Сарбин Т.Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6–28.
- Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М.: Прогресс, 1976.
- Стетин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
- Улановский А.М.* Теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 88–98.
- Улановский А.М.* Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопр. психол. 2006. № 3. С. 27–37.
- Улановский А.М.* Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2006. № 4. С. 129–141.
- Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2004.
- Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Bruner J.S.* Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.
- Burr V.* Social Constructionism. London: Psychology Press, 2003.
- Gergen K.J.* Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997.
- Harre R.* Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. 1989. 19. 5. P. 439–453.
- Mead J.* Mind, self and society. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
- Polkinghorne D.* Narrative knowing and the human sciences. Albany: State University of New York Press, 1988.
- von Glaserfeld E.* Radical constructivism: A way of knowing and learning. London: The Falmer Press, 1995.

Улановский Алексей Маркович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, кандидат психологических наук

Контакты: ulany@mail.ru